

А. БЛОК

Вячеслав Иванов «Прозрачность» Вторая книга лирики. Москва. Книгоиздательство «Скорпион». 1904 <Рецензия>

Книга Вячеслава Иванова предназначена для тех, кто не только много пережил, но и много передумал. Это — необходимая оговорка, потому что трудно найти во всей современной русской литературе книгу менее попятную для людей чуть-чуть «диких», удаленных от культурной изысканности, хотя, быть может, и многое переживших.

Но есть порода людей, которой суждено все извилины своей жизни обогреть кровью мыслей, которая привыкла считаться со всем многоэтажным зданием человеческой истории. Таким людям книга Вяч. Иванова доставит истинное наслаждение — и в этом смысле она «für wenige»*. Она хороша как урок порою стального стиха, как пленительное подчас по смелости замысла сочетание словесных и логических форм. В этом отношении она подобна чеканной миниатюре, в которой до того точно, с таким совершенством художника — литейщика изображено движение, что можно иногда принять ее за живую фигуру. Но это — только искусство мастера и обман тонкого зрения, дающего бегущее продолжение линии, которая пресеклась как раз на необходимом для обмана зрения вместе.

Такая законченность и точность отделки очень ценна. Именно она первая бросается в глаза, — и позволяет мечтать о большем и большем совершенстве стиха, о его способности вмещать невместимое прежде. Оттого в книге заметна прежде всего работа, потом творчество — и последнего меньше, чем первой. Большая

* Для немногих (нем.).

часть стихов искусно «сделана», — и это не недостаток: хорошо, что мы уже имеем и такие книги.

Поэзия Вяч. Иванова может быть названа «ученой» и «филологической» поэзией¹. По крайней мере — за исключением немногих чисто лирических и прозрачных, как горный хрусталь, стихотворений (например, «Лилия») — больше всего останавливают внимание те, на которых лежит печать глубокого проникновения в стиль античной Греции. Некоторые стихи отличаются чересчур филологической изысканностью²: такие слова и выражения, как «скиты скитальных скимнов», «молитвенные феории», «аспекты», «харалужный», «сулица»³, — только портят впечатление и оставляют в недоумении читателя, редко знающего, что «феория» значит «созерцание», а «сулица» — «колчан». В других случаях, напротив, особенно звучны бывают смелые образования от прилагательных и глаголов: «мгла среброзоркая», «неотлучимые ключи», «луны серпчатой крутокормая ладья»⁴.

Часто поэт прибегает к искусственному усилению стиха путем аллитераций, перебоев в размере, и т. п. Иногда это удачно:

Цикады, цикады!..
 Молотобойные,
 Скрежетопильные,
 Звонко-гремучие
 Вы ковачи!⁵
 Не извечно, верь, из чаш сафирных
 Боги неба пили нектар нег⁶.
 В прозрачный, сумеречно-светлый час,
 В полутени сквозных ветвей,
 Она являет свой лик и проходит мимо нас —
 Невзначай, — и замрет соловей...⁷

Иногда этот прием слишком груб:

Рдей, царь-рубин, рудой любовью...⁸

Очень редко встречаются безвкусно рубленные рифмы, вроде Латó — Эратó⁹. Почти все стихи отделаны с тонким вкусом, с приемами еще не примененными в нашей литературе. Очень хороши гекзаметры с пентаметрами¹⁰ («Прежде чем парус направить в лазурную Парфенопею...» и др.)¹¹. Но нельзя не пожаловаться на передачу Вакхилидова дифирамба¹² в некоторых частях русским

былинным складом, тем более, что такая передача, по-видимому, намеренна, иначе мы не встретили бы таких выражений, как: «али вдосталь», «нет надежи — дружинников» ...¹³

Как пример особенно ярких образов в стихах Вяч. Иванова, можно привести строки об облаках и о месяце; это — точно специальность поэта, и здесь он достиг необычайной краткости и воздушной образности:

...В лубь, где ночь пустила
Синею излукой
Парус крутолукий
Бледного светила¹⁴.

В небе кормщик неуклонный,
Стоя, правит бледный челн...¹⁵

1904

